

ТАТЬЯНА МИРОНОВА
доктор филологических наук

СЛОВО ЦЕЛИТЕЛЬНОЕ И ГУБИТЕЛЬНОЕ

Огонь и вода – древние кара и исцеление

Воспринимая Богом данный мир, мы неизбежно сталкиваемся с силами природы, что выше и могущественнее нас. Силы природы человек именовал стихиями, в огне и воде издревле познавал особые свойства. Первое из таких свойств – разрушительная мощь огненной и водной массы. Выражения *всё как огнём взяло*, *всё как водой снесло* указывают на неодолимую силу этих стихий. Живы в народе предупреждения: *огню и воде не верь, с огнём и водой не поспоришь, огню и воде Бог волю дал*.

В русской картине мира отражён взгляд на Божественное происхождение водной и огненной стихий. Небесный огонь – молния, небесная вода – дождь, особенно грозовой, явственно указывали на источник стихий – Вышние силы, подающие человеку и благоволение, и наказание. И потому в народе издревле говорилось: «Огонь – беда, вода – беда, а и то беды, как ни огня, ни воды». Зримое божественное происхождение огня и воды заставляло видеть в их действии проявление Божьей воли, Божьего промысла, Божьей защиты. По поверьям, живая вода могла рождаться от небесного огня, это когда на месте удара молнии внезапно возникал родник, его называли тогда «гремячий ключ».

Не всякие огонь и вода несли в себе частицу Божьего произволения, а те, что назывались в народе *живыми*. Живая вода – это вода из природных источников, криниц, родников, ключей, именуемая «небесным семенем» и «божьей кровью», её почитали с глубокой древности. А сами родники прозывали «Божьим оком». Слова **источник**, **родник**, **ключ** хранят в себе мысль о начале, рождении, открытии воды. Слово же **криница**, однокоренное понятию *кровь* (*kry), сравнивает водную стихию с человеческой кровью, вот почему реки и ручьи называют в народе *жилами земли*.

Живая вода обладает особой целительной силой. Об этом славяне знали с языческих времён. Водным источникам славяне-язычники приносили жертвы, пуская по воде караваи хлеба, венки, утапливая в ней по праздничным дням жертвенный скот. Глядя, как вода поглощала дары, гадали о грядущей судьбе. У источников творили молитвы и приносили клятвы уже в христианскую эпоху, на что сетовали и о чём сокрушались христианские проповедники. У рек и родников заключались браки и союзы. Остатки этих верований сохранены донныне в народной традиции: набирая воду из ручья или ключа, принято осеять себя крестным знаменем. А ещё предписывается для чистоты воды

закреплять её и набирать в полном молчании или с почтительными словами приветствия воде. До сих пор у источников оставляют и дары – ленты, полотенца, хлеб.

Живой становилась вода и в ежегодном крещенском освящении вод – обновлении воды во всех природных водоёмах. По народной вере, в полночь накануне Крещения, по-русски называемого “водокрещи”, открывались небеса, утихал ветер, и вода на миг останавливала течение, являя при этом чудодейственную и целебную силу. Считалось, что вода становится “крещёной” даже без церковного освящения, а нечистая сила покидает воду вплоть до Ильина дня. В день Крещения по русской традиции в домах меняли всю воду. “Старую” выливали, она считалась опасной, и вносили в дом новую, наполняли ею сосуды, кропили хозяйство и скотину, умывались сами и пили крещенскую воду, закладывая здоровье на целый год.

Живым или святым считали в народе и огонь, но тоже не всякий, а лишь добытый первобытным способом – трением дерева о дерево. Явление огня из дерева почитали Божьим чудом. Для этого требовались три предмета – деревянная плашка с выемкой, деревянное сверло и тяж – верёвка, позволяющая энергично производить **трение** кончика сверла в выемке деревянной плашки. Первобытное добывание огня породило множество слов в человеческой культуре. Лингвисты, к примеру, Н. Д. Андреев, полагают, что индоевропейское числительное **три** возникло именно в связи с добыванием живого огня. Того же происхождения слово **трут** – горючий материал, воспламеняющийся от одной искры. В старину это чаще всего были древесные грибы, называемые **трутовиками**. В них разносили по домам живой огонь, добытый трением. Не исключено, что и слово **труд**, означающее большие усилия, исконно восходит к тому же корню, ведь добывание огня осмысливалось как огромной важности работа, требующая силы и упорства. А ещё в украинской мове и сербском языке огонь называется **ватра**, в его звучании явственно различим корень **ТР-** и основное значение этого слова – ‘огонь, получаемый именно трением’. А по-русски добывание живого огня описано выражением “вытирать огонь” – так в говорах установлено родство слов **вытирать** и **ватра**. В русском языке с тех давних пор сохранилось древнее слово **ватрушка** – ритуальное печиво с творогом, испечённое на живом огне. На божественное происхождение живого огня указывает и южнорусское слово **багатья**, тоже обозначающее огонь и осмысливающее его как дарованное Богом богатство. Ещё огонь по-русски именуется **пламя**, слово это происходит от древнеиндоевропейского корня ***pl-**, обозначающего изобилие и полноту.

Итак, огонь, добытый трением, воспринимался в народе не только как живой, новый, молодой, но прежде всего, как святой и Божий. По поверьям, он имел силу избавлять от эпидемий, моровых поветрий и падежа скота. При моровых поветриях священник крестным ходом обходил село, которое прежде опахивали обережным кругом. В это же самое время тушили в домах все очаги и особым образом добывали ритуальный живой огонь. С его помощью возжигали свечи и кадило в церкви, от него жители разносили святой огонь по своим домам. Считалось, что, если в жилище появился такой огонь, болезнь будет обходить его обитателей стороною. Ещё большей древностью отзывается такой обычай: живым огнём в селе, заражённом моровой язвой, разводили костры и через них сначала переходили здоровые люди, а потом переносили и больных. Между двух костров – “между двух огней” – прогоняли скот, если на него нападали болезни – ящур или чума. Живой огонь защищал людское здоровье и жилище. Им возжигали факелы и костры на Ивана Купалу, Масленицу и Юрьев день. Новорождённого младенца и его одежду держали над таким огнём, предохраняя от напастей. Молодых на свадьбе перед поездкой к венцу окружали кострами из соломы. Даже могилу покойника окольцовывали зажжённой соломой, знаменуя его переход в иной мир через огненную границу. Огонь защищал и жилища славян: четверговой свечой возжигали на дверях охранительные кресты.

Если же беда миновала людские селения, живой огонь всё равно возжигали, ежегодно заменяя им в жилищах старый огонь. Делали это либо на Ивана Купалу, либо в начале года – первого сентября, либо в канун Крещения или Пасхи. Причём совершалось обновление огня в полном молчании. Вновь рождённый огонь хранили в очагах весь год. Его нельзя было заливать водой, а только присыпать пеплом, чтобы под ним тлели угольки. Держали угли на

загнетке и из них в случае необходимости вздували огонь. Если же пламя в печи окончательно гасло, это предвещало скорую смерть кого-нибудь из обитателей дома. Подобное воззрение заставляло людей бережно хранить огонь, относиться к нему благоговейно и даже опасливо, будто к одушевлённому существу. В русской народной поэзии огонь, подобно человеку, рождался и жил, плясал, смеялся, ярился, затухал, умирал.

Древнейшие языческие представления о святом огне сменились затем христианскими воззрениями. И тогда Святой огонь в канун Крещения и в Великий четверг приносили горящими свечами из храмов, и от этих свечей с молитвой и крестным знаменем зажигали домашние лампы и пламя в печи. Разжигала печку старшая женщина в семье, при этом домочадцам было запрещено браниться и суесловить.

Огонь и вода в первозданном, “живом” состоянии служили в старину для ритуального очищения человека от грехов, отчего сохранились поговорки “*пройти сквозь огонь и воду, оказаться между двух огней*”. Убеждение, что праведное в огне не горит и в воде не тонет, происходит как раз из древнего ритуала испытания человека, проверки истинности его слов и поступков. Ритуал этот в древности назывался **каятины**, и в случае лжи перед лицом живого огня и святой воды человек, по поверью, наказывался самими этими стихиями – от ожога у него возникал антонов огонь, а водой он мог захлебнуться.

Во многих славянских землях сохранился рождественский домашний охранительный обряд, где огонь и вода оказывались рядом в священнодействии. В Рождество кувшин с новой водой, зачерпнутой на рассвете из непочатого ручья или колодца, ставили на пороге дома, рядом клали топор и горящие угли в совке. Все домочадцы перепрыгивали через эту преграду с приговором: “Через воду прошёл – не утонул, через топор прошёл – не поранился, через огонь прошёл – не сгорел”. Так каждый обитатель дома заговаривал себя от бедствий на грядущий год. Живой огонь придавал, по поверьям, особую силу воде. Народный обряд освящения воды требовал взять воду от слияния трёх ручьёв и пролить её между двумя горящими поленьями.

Нашествие огня или воды всегда воспринималось русским народом как кара Божья за грехи и преступления. Божий огонь – пожар от грозы – тушить запрещалось, ибо грешно. Убитые молнией почитались за тяжких грешников. Огнём пожара наказывалось лихоимство: *неправедная деньга – огонь*. От огня погибали притеснители бедных: *у нищего отнять – огонь в дому держать*. Огнём попиралось сквернословие – у матерщинников Мать Сыра Земля три года под ногами горит.

Вода тоже жестоко карала грешников. Утопленники вызывали священный ужас в народе. Вода забирала к себе злодеев и колдунов, несла отмщение осквернителям и сквернословцам.

Воду и огонь боялись разгневать, оскорбить, осквернить их чистоту. На воду запрещалось плевать – будут ранки на губах, на пламя плевать тоже возбранялось, иначе на лице выступит “летучий огонь” – золотушные язвы. На воду и в костёр запрещено было мочиться, за это ждало наказание на Страшном суде. Не разрешалось гасить огонь, затаптывая его ногами. И до сих пор стойко народное убеждение, возбраняющее плевать на воду и в огонь – это, говорят, всё равно, что плевать в Бога или в лицо родителям.

Грозная сила стихий одновременно оказывалась для человека целебной и защитительной от болезней. Святая вода в церкви, освящённая на молебне, святая вода из святых источников и родников, живая вода, на которую наговаривали слова для исцеления знахари, – всё это способы исцеления человека. Святой огонь, сходящий в Пасху на Гроб Господень, святой огонь свечей и лампад в храмах, зажженных во здравие болящих, тлеющие угли живого огня на загнетке печи – всё это средства исцеления, которые, по поверьям, ниспосланы человеку Самим Господом. Для излечения от болезни страждущего окуривали дымом, высекали над ним огонь, сжигали его одежду. При входе в новый дом окуривали живым огнём все углы жилища.

Но те же огонь и вода, воспринимаемые в народе как посланцы небес, были и предметом ворожбы, гаданий, предсказаний. Для этого ворожеи зажигали свечи, ставили перед собою чашу с водой, отчего до сих пор сохранились слова – **чародей** и **чаровать**, то есть волхвовать над чарой, полной воды. Сравним старинное слово **волхв** с понятием **волна**, означающим

колеблющуюся воду. Те же чародейные истоки имеет выражение *как в воду глядел*, а про сам ритуал гадания сказывали: *“В воду глядит, а огонь говорит”*.

Древнейшие представления об огне и воде с удивительной цельностью сохранились в мировых религиях, в том числе и в православном христианстве. Мы почитаем огонь небесный, сходящий в Пасху на Гроб Господень. Неотделим от богослужений лампадный и свечной огонь, а также вода, крещенская и освящённая на водосвятных молебнах. Они воспринимаются как материальное средство очищения христианина от грехов. Действительно, святая вода в православной христианской обрядности присутствует повсюду: в таинстве Крещения, в освящении жилища и предметов обихода, в лечении людей, в обрядах “изгнания бесов” — так называемых отчитках. А в таинстве Крещения даже сохранился древнейший гадательный чародейный обряд. Священник состригает прядь волос крещаемого младенца, затем закатывает её в воск и пускает в купель, рядом с которой горит свеча. Полагают, если воск утонет в купели, а свеча погаснет, не догорит, ребёнок долго не проживёт. Так даже в высшей форме религии сохраняются древнейшие языческие представления о пророческом даре огня и воды, через которые люди узнают судьбу и волю Божию.

Огонь и вода предстают в христианстве материальной, видимой основой человеческой молитвы к Богу, что заставляет нас задуматься над физической природой зримого или звучащего, или мыслимого слова. Существует ли субстанция, которая впитывает в себя энергию, смысл, силу слова? Действительно ли вблизи огня и воды особым образом действует молитва? Опытные пути, пройденные мировыми религиями, древнейшие обряды, хранимые в народной традиции, указывают на то, что огонь и вода неизменно сопутствуют как доброму, так и злему слову. И, следовательно, именно они в “живом” состоянии способны “переносить” слова, создавать условия, чтобы слова возымели своё действие.

Слова, не предназначенные для общения

Мало кто задумывается о том, что Слово как средство общения — всего лишь частный случай использования речи. Словом мы обращаемся не только к другим людям, но и к незримым Высшим силам — к Богу и святым его. Слово может быть призывом к нечистой силе — к невидимым духам злобы. Слово порой адресуется к бессловесным живым существам — животным и растениям, к бездушным объектам — неживым предметам, к силам природы, стихиям, а ещё к человеческому телу и поразившим его болезням. В этих примерах использования слова нет ожидания ответной речи, зато есть ожидание ответного действия. Механизм действия подобных речей непостижим для сознания людей, и потому в зависимости от того, что несут эти слова — добро или зло, — их называют мистическими или магическими.

Каковы же мистические виды речи, которые не предназначены для общения? Это **молитва** — обращение к Богу, к Матери Божьей, к святым Божиим со славословием и просьбами. Это **благословение** — славословие и предсказание человеку добра в будущем. Мистические Слова более низкого порядка — знахарские **заговоры**, обращённые к человеческому естеству и постигшим его недугам с целью исцеления и изгнания хвори. Мистическими словами полагают **заклинания**, призванные воздействовать на бессловесные живые существа и бездушные предметы, чтобы оберегать и приумножать их. Все перечисленные здесь “слова” — благие, они молят, просят или заклинаят о добре. А вот злокозненные действия словом — их ещё называют магическими — несут **проклятия**: обращения к дьяволу и бесам, к духам злобы с просьбами и требованиями о зле. О том же взывают **заклятья**, призывающие и накликающие на человеческую плоть и душу порчу и вред. Опасными представляются и **клятвы**, предвещающие человеку беду в случае неисполнения обещания.

Итак, наши предки видели в слове не только средство общения человека с человеком, они осознавали, что в слове есть сила действия или призыв к действию, когда это слово адресовано Богу, обращено к невидимым силам природы, неживым или бездушным существам. Подобное воздействие есть, по сути, общение, но особого, мистического рода. Традиции такого общения сохранились в древнейших верованиях и в мировых религиях, а ещё в старинных практиках знахарства, из которого возникло искусство врачевания. Не случайно названия **врач** (от индоевропейского корня речи ***vr-** — ср. ворчать, верещать,

врать), и **лекарь** (от индоевропейского корня речи *Ik- — ср. лат. lego, lectum) связаны с древними ритуалами произнесения слов. Словесное мистическое обращение человека к природным стихиям до сих пор сохранилось в шаманизме. У нас на Руси эта традиция истаяла вместе с волхвами и осела в бытовых верованиях в домовых, водяных и леших. Зато привилось общение человека с Творцом, с Высшими силами, сконцентрированное в богослужениях православного христианства. Здесь Слово, заключенное в молитвах, является действенной любовью к Богу.

Мистические слова были бы давно покинуты и забыты человечеством, если бы, обращаясь к Господу, природе или неживым предметам, человек не ощущал отклика на своё слово, не чувствовал или не видел ответного действия. Но разве мы не осознаём помощь Божию, посланную нам по нашей горячей молитве? И в то же время мы можем увидеть, как шаман вызывает дождь, и тот случается. Мы знаем, что, если яблоне, переставшей плодоносить, пригрозить, что её срубят, она на следующий год даст плоды. И, разумеется, остатки древней традиции целительного воздействия словом на тело человека сохраняются в знахарстве, которое лечит, прежде всего, заговорами.

Хранителями мистических слов — молитв, благословений, заговоров, заклинаний — являются люди особого статуса. Хранителями молитвы в православном христианстве, к примеру, являются священник и диакон — служители Церкви. Хранителем заклинаний — древних обращений к силам природы — был и остаётся шаман, жрец, волхв, древнейшие языческие культы и поныне держатся в неприкосновенности у некоторых народов. Хранителем заговоров — словесных формул, приложимых к телу человека ради его исцеления, — является знахарь — старинный врачеватель человеческого естества.

Магические слова тоже имеют своих хранителей. Заклятиями и проклятиями с целью обращения к силам зла для уничтожения или нанесения вреда человеку ведают колдун и ведьма, издревле губители человеческого здоровья, а то и самой жизни.

Происхождение названий мистических и магических действий имеет древнейшие истоки. **Молитва** — от глагола **молить**, родственного, как это ни покажется странным, понятию **молоть**, то есть измельчать нечто, отделяя часть от целого для жертвоприношения. Слова эти — **молить** и **молоть** — отражают обрядовую сущность жертвоприношения, которое включало в себя как принесение даров Богу и силам природы — даров, отделяемых от всякого насущного добра, коим владеет человек, — так и словесное обращение к Высшим силам с просьбой или мольбой. Вот почему молитвой в русских говорах называют не только слова Божественных служб, но и жертвенную пищу — пироги, каши, мясо, ритуально поедаемые в праздники. Обратим внимание на название главного ритуального яства — **блин**. Слово это в исконном виде сохранилось в малорусских говорах — **млин**, оно происходит все от того же корня — **молить/молоть**, и означает 'моленное яство'.

Зримый ритуальный смысл имеют слова **клятва**, **заклятье**, **заклинание**, **проклятье**. В них очевиден корень **клин\клон**, содержащийся также в словах **кланяться** и **поклон**. Эти слова отражают древнейший ритуал поклонения Матери Сырой Земле, который включал земной поклон, знак почитания Земли — матери, кормилицы, хранительницы праха предков. И в том же ритуале непременно присутствовала словесная формула **клятвы**, **заклятья**, **заклинания** или **проклятья**, в зависимости от того, с какой целью человек поклонялся Матери Сырой Земле. Вот почему **клятва** и **поклон** — родственные слова. Слово же **проклятье** — по сути своей заклинье смерти другому человеку — исконно является ритуальным пожеланием проклинаемому уйти под землю, сохранившимся ещё в бытовой злокозненной формуле "чтоб ты сквозь землю провалился!"

Лишь слово **заговор**, относимое к знахарскому искусству, не имеет явно выраженной ритуальной природы. Но возникло оно не в знахарской среде, а у собирателей заговорных текстов — филологов и этнографов. Сами же знахари — "знающие", "знатки" — называют свои лечебные тексты просто "словами", и говорят так, что-де слово должно быть "крепко и лепко". То есть заговор должен иметь силу, крепость воздействия и быть способным прилепиться к человеку.

Как видим, хранители мистических и магических слов представляют различные сферы человеческого бытия и общества, хотя издревле входили в особую касту — сословие жрецов или волхвов. Слова их направлены на благо или

на зло, но природа действия слов одна и та же — влияние словесными формулами на водную и воздушную среду, многократно усиленное огненной стихией. Об этом свидетельствует народный опыт знахарства: слова исцеления наговаривают на воду, произносят перед лицом огня, пускают на ветер.

Не случайно здесь представление о ветре или воздухе, которым, по народному представлению, переносятся слова. Про то говорят: “Молву ветер носит”. А что такое **молва**? Она происходит от слова **молвить**, а то, в свою очередь, сопряжено с понятием **молить**. То есть **молва** и **молитва** — по своей сути истонно совпадающие понятия, только молитва закрепились за христианской обрядностью, а молва — собирательное слово для всенародного, единым духом высказанного пожелания. И вот об этой-то молве стойко народное убеждение, что *молву ветер носит*, и *молва — что волна*. Причём здесь не одна лишь метафора — скрытое сравнение молвы с волной. Вода оказалась истинной средой обитания слова, субстанцией, принимающей и переносящей слова.

Мистика Слова

Словом **мистика** принято обозначать результат действия слов молитвы, благословения, заклинания — тех формул речи, которые очевидно, но совершенно непостижимым образом приносили человеку добро. Молитва Богу была главным оружием русского человека при любой опасности, сопровождала его во всех обстоятельствах жизни. Согласно народным представлениям и предписаниям Церкви, молиться следовало утром, после сна, перед едой, а также на ночь, молитва была необходима перед дорогой, при начале всякого дела и по его окончании. Слова молитвы произносили вслух, реже — про себя, повернувшись лицом к иконам, а за неимением их — к солнцу или на восток. В XIX веке отмечали даже обычаи молиться перед деревьями, почитаемыми камнями и у источников и ручьёв — то были отзвуки языческих молений в рощах, о которых сохранилась насмешливая поговорка: “В лесу родились, пням молились”. А старинные требники содержали молитвы “над гумном”, “над сеяньем”, “над пчелиным роем”, “на благословение стада” и “когда гром гремит”. Так молитвы служили насущным потребностям крестьянского быта.

Число охранительных молитв, любимых русским народом, весьма невелико. Это молитва “Да воскреснет Бог...”, называемая “Воскресной”, девятый псалом, известный как “Живый в помощи...”, “Отче наш...” и “Богородице, Дево, радуйся...” Их не только читали во всяком обстоянии, но и держали в письменном виде как оберег, зашивали в одежду, привязывали к голове больного, хранили в доме за божницей. Мы в нашем православном обиходе до сих пор используем тканые или вышитые пояса с молитвой “Живый в помощи”, которыми надлежит обвязываться при всякой опасности. В народе бытуют и молитвы святым, что охраняют человека от разных невзгод: святой Илья Пророк, к примеру, спасает от грозы, святой Георгий защищает скот и урожай, святой Никола заботится о путешественниках, святой Пантелеймон исцеляет от болезней.

Два выражения — **молиться о ком-то** и **молиться за кого-то** — исчерпывающе описывают суть молитв в русском языке. Человек, молящийся о ком-то, обращается к Богу от своего имени, но предстательствует за другого. А вот молящийся за кого-то молится Богу вместо того, кто не может или не хочет помолиться сам. Чаще всего это умерший или болящий, безбожник или враг. Мы в таком случае молимся за них, то есть вместо них, выказывая тем самым им свою любовь, заботу или прощение.

Само состояние молитвы изучено специалистами по работе мозга. Установлено, что во время глубокой молитвы кора головного мозга отключается, человек перестает думать о суетных делах, слова молитвы отвлекают его от земных забот, которые кажутся мелкими и незначительными. Человек перестает бояться мнимых опасностей, в большой беде он чувствует себя под покровом Бога, и этот покров называет **надеждой**. Подобно тому, как **одежда** охраняет и бережет тело, так **надежда** укрывает и сохраняет человека духовным покровом. Так издревле язык осмыслил то, что много позднее было подтверждено наукой. Во время молитвы резко тормозятся мыслительные процессы. Пространство в нашем сознании изменяется: мы смотрим не вширь и вдаль, как в текущей жизни, а видим ввысь и вглубь, устанавливая вертикаль общения с Высшими Силами, с Богом и ангелами Его. И наше **видение**,

благодаря молитве, преобразуется в ведение – разумное осознание происходящего. Сходство слов **видеть** и **ведать** обусловлено их прямым родством. Такое состояние человека названо исследователями молитвенным бодрствованием, когда энцефалограмма головного мозга молящегося соответствует энцефаллограмме мозга человека с отключённым сознанием, будто в состоянии комы. Однако при этом молящийся пребывает в полном сознании. Электрические импульсы коры головного мозга во время молитвы у нас снижаются почти до нуля и становятся равными импульсам, свойственным новорождённым младенцам. Как ни вспомнить евангельский призыв Господа Иисуса Христа: “Будьте как дети”! Молитва оказывает благотворное влияние на того, кто молится, причём о её целительной силе известно издревле, а в наши дни, к примеру, статистика больных раком показывает, что верующие больные в среднем живут на пять лет дольше неверующих. Жизнь им продлевают не только врачи, но и молитва. Введению человека в состояние молитвенного бодрствования способствует размеренный речитатив, которым произносят молитвы, и продолжительность их чтения. Вот для чего святой преподобный Серафим Саровский советовал приходящим к нему паломникам читать “Богородице, Дево, радуйся” сто пятьдесят раз подряд ежедневно. Вот почему в монастырях благословляют читать Иисусову молитву тысячекратно в день, непременно указывая, что это нужно не Богу, а нам самим. Благодаря таким вот усилиям словесная и мысленная молитва преобразуется в Боговедение и позволяет человеку жить и действовать разумно, во благо себе и обществу.

Народный опыт высоко ценит и силу **благословения** – так в русском языке именуют обрядовое пожелание добра. Мы привыкли называть этим словом только лишь благословение священника, чинно подходим к нему, сложив двумя горстями руки, слышим “Бог благословит” и, осенённые благословляющей рукой, благодарно целуем её. Но у благословения есть и более древние истоки: представление о том, что чужой человек – **гость**, пришедший в дом, – должен произнести благопожелание, и оно, оплаченное сторицей, обязательно возымеет действие. Таков архаичный ритуал дарообмена – доброе слово гостя с пожеланием благополучия и здоровья хозяевам обменивается на вещественные дары – угощение и подарки.

Благословение такого рода стойко сохраняется в народном быту, оно обязательно при встрече новорождённого и на его крестинах, без него не обходятся ни свадьбы, ни дни рождения, и даже похороны. Угасающая традиция святочных обходов с колядками, когда колядники произносят “славу” хозяевам, – самый яркий пример ритуального благословения. В получении благопожеланий до сих пор состоит смысл наших дней рождения, именин, юбилеев, да и сам ритуал принятия дома гостей. Не в ресторане, не на природе, как это принято у других народов, а именно дома мы принимаем не только родных, но и чужих людей, и это интуитивно чувствующаяся нами необходимость того, чтобы чужой для нас человек произнёс здравицу, сказал “спасибо”, провозгласил благополучие и нам, и дому, и всей семье. Современное русское застолье с угощением, с настойчивым “кушайте, гости дорогие” – осколки древнего обряда дарообмена, когда взамен добрым пожеланиям гостей требовалось их накормить-напоить, то есть отдариться. Искони слово “гость” означало чужого человека, а угощение было предназначено именно для гостей, для чужаков, обязанных произносить добрые слова хозяину и дому, будучи “в гостях”.

Благословения в семейных обрядах составляли смысл и цель любого семейного праздника, когда желали, во-первых, здоровья и долголетия, во-вторых – общего благополучия, будь то процветание семьи, материальный достаток, семейный мир, успешность хозяйства и работы.

Благословения сопровождали все этапы жизни русского человека. Младенца чествовали на родинах-крестинах. Считалось необходимым произносить благопожелания ребёнку при первом купании, при возвращении из церкви после крещения, при разбивании горшка с кашей на крестинах, при одаривании родителей, крёстных, повитухи и, разумеется, самого новорождённого. От всего этого осталось, пожалуй, лишь крестинное благословение, когда гости, посещая родителей, желают ребёнку доброй судьбы и получают ответное угощение. Благословляли молодых на свадьбе. И в обмен на здравицу жених с невестой отдаривали гостей свадебным застольем. Благословения могли произносить и на похоронах. Покойник, уходящий на тот свет, становился для

живых чужим и посторонним, и от его имени собравшиеся на похороны произносили здравицы и пожелания добра оставшимся в этом мире домочадцам, за что семья платила им поминками, провожая покойного сродника в дальний путь. Вот откуда извещение о смерти “Пётр Иванович приказал долго жить”. Порой и на кладбище при похоронах обращались к умершему, лежащему в гробу: “Что ты нам завещаешь?” И кто-нибудь говорил за него: “Здоровья, веселья и долгой жизни всему дому”.

Большинство благопожеланий произносили, да и сейчас произносят во время праздничных застольных возлияний — питья хмельного, а это означало, что добрые слова о здоровье, долголетию и благополучии наговаривались на чарку водки, на стакан зелена вина, на пиво и квас, на мед и сбитень. Неслучайное совпадение: здравица с чаркой вина в руке, когда все вокруг держат в руках чарки и слушают благопожелания, сходна в своей сути с заговором на воду, который как целительное лекарство вливают в себя люди, “пуская слова по крови”.

К мистическим словам можно причислить **заклинание** — словесное обращение к неживым предметам и вещам с требованием от них необходимых действий во благо человека. Такие предметы мыслятся как одушевлённые, живые, разумные, и слова адресуются непосредственно им: “Пшеничка, родись!”, “Ячмень, родись!”, “Уйди, зима, приди, лето!” Заклинания на Руси были необходимым условием всех земледельческих работ: “Уроди, лён, с оглоблю, репа — с колесо!” В современном мире сохранились древние представления, что с растениями и животными, чтобы они были полезны человеку, нужно обязательно “поговорить”, это и есть след древних заклинаний. К примеру, всем славянам известен рождественский обряд “пугания” неплодоносного дерева, когда на извете замахивались топором и говорили заклинание: “Роди, слива, не то тебя срублю”. То, что эта традиция сохранилась до сей поры, свидетельствует о действенности заклинания, как бы это сегодня ни выглядело смешным.

В заклинании народный опыт призывал желаемое добро к жизни, и главное — избавление от всякого рода напастей, болезней и стихийных бедствий. “С лица худоба!” — говорили, умываясь в чистый четверг. “Беги, град, от наших полей, от наших хлебов, от нашего села!” — приговаривали, завидя чёрную градовую тучу. “Идите, мухи, вон, идёт хозяин в дом”, — заклинали, внося в овин последний сжатый сноп. Изгоняли такими закличками коровью смерть: “Смерть ты, Коровья Смерть, уходи ты из нашего села, из закутья, из двора”.

Заклинания были особенно действенны в лечебных заговорах: “Уходи, хвороба, с пальчиков, с суставчиков, и с костей, и с буйной головы, и с ретивого сердца”. Изгоняли болезнь, будто она живая: “Рожа, рожа, пойди вон, на мёртвое тело”.

Остались от древних языческих заклинаний только детские заклички: “Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи”, “Солнышко-ведрышко, выгляни в окошко”, “Водичка-водичка, умой моё личико”. Они — след глубокой старины, в которой наши предки насыщали словесным добром окружающий мир.

Магия Слова

В русской картине мира сохранилось выражение “злой рок” с корнем, родственном слову “речь”. Это выражение описывает так называемые магические слова — проклятье, заклятье, злопожелание и клятву. Самые опасные из магических слов — проклятия, в них, по народному убеждению, заключена огромная губительная сила. Даже неверующие люди интуитивно страшатся проклинающих слов, насылающих на человека всяческие беды, а то и смерть.

Проклятие — уникальный словесный ритуал, подобного которому больше нет даже среди магических словесных формул. Суть его в том, что проклятие не призывает к губительному действию, само проклятие и есть действие. Будучи произнесённым, оно неотменяемо разит человека, ложится на проклинаемого тяжким бременем, и сбросить его не так легко.

Традиция заповедовала: страшно быть проклятым, но она же утверждала необходимость существования проклятия, которое грозило карой нарушителям обычаев и законов, запретов и нравственных заповедей. Опасение проклятия было мощной основой семейного мира, телесной и духовной чистоты

человека, страх перед материнским или отцовским проклятием останавливал детей перед бесчинствами и безнравственными поступками. Но и родители, даже решась на проклятие, знали, что это смертный грех, который надлежало открыть на исповеди. Считалось, что одно только произнесение проклятия перевешивает все благодеяния человека, совершённые им в жизни прежде. Поэтому готовое слететь с губ проклятие зачастую заменяли на досадливое, но благопожелание: “Чтоб ты... жива была!”

Если же кто произносил роковые слова, то не считал себя исполнителем проклятия, полагая это делом Божиим. Порой проклинаящий призывал Высшие силы покарать обидчика, зачастую приговаривая: “Пошли ему, Боже!”, “Дай, Боже!”, “Пусть тебе Бог заплатит!”, “Суди тебя Бог!”. Отсюда сохранилось выражение – “проклят от Бога”. Среди наиболее тяжких проклятий, которых и по сей день страшится каждый человек, – роковое пророчество человеку, что умрёт не своей смертью, что не будет иметь своей могилы, что не будет принятых Матерью Сырой Землёй. Боялись и так называемого “родового проклятья”, грозящего исчезновением потомства.

Не менее опасны были **заклятья**, то есть наведение зла на человека, не ведающего о том: насылание болезней и увечий, пожелание разорения хозяйства и дома, неурожая, наведение пожара. Очень страшны были и заклятья злой доли, гибели на чужбине. Заклятья чаще всего накладывали колдуны. О действительности магических слов можно судить по тому, что многие трагические события в жизни, особенно если они шли чередой, люди всегда связывали с проклятьем или заклятьем. Это бывало в случае ранней смерти, гибели детей, рождения уродов, несчастного замужества, тяжких болезней, нескончаемой бедности.

Страшились не только проклятий и заклятий, но и злопожеланий: девушкам – не выйти замуж, роженицам – чтоб пропало молоко, уходящему из дома – чтобы не вернулся, а животным и скоту обидчика – чтоб волки съели. Опасение злопожеланий тоже являлось своеобразной основой мирных отношений, особенно среди родни и соседей.

Бывало, что люди обращались со злопожеланиями к силам зла. Для этого существовало множество разнообразных формул: “Лихоманка тебя забери!”, “Черт подери!”, “Чтоб тебя черти смолою поили!”, “Леший тебя понеси!”. Такие злопожелания имели меньший вес, их страшились значительно слабее, они воспринимались как простая ругань.

Проклятия и злопожелания различали по вредоносности, понимая, что не сравнимы страшные проклятия с упоминанием Бога и шутивная или раздраженная ругня: “Чтоб ты скис!”, “Чтобы глаза мои на тебя не глядели!”. Порой зла желали всерьёз, но выбирали иносказательную, не пугающую форму: “Чтоб ты на спине поехал!” – прозрачный намёк на смерть, ведь на спине несут в гробу на кладбище. “Чтоб ты просила, а смерть не брала!” – проклятье, насылающее мучительную болезнь. Образные выражения скрывали страшную сущность злопожелания: “Чтоб твоя шапка опустела!”, “Чтоб у тебя цветы на могиле росли”, “Чтоб ты родила столько, сколько верба винограда родит”.

Впрочем, в народе не верили, что всякое проклятие осуществимо, очень важно было, кто проклинал жертву. Если это был чужой человек, то проклятие, по общему мнению, не имело силы. Если же проклинали мать или отец, то это проклятие совершалось с неизбежностью и приводило несчастного отпрыска к смерти. Страшно было проклятие крёстных родителей, а ещё – от нищих и странников. Вот почему на Руси всегда боялись обижать нищих. Невротическим считали колдовское заклятье, произнесённое в сильном гневе, торжественно, с чувством. Особенно действенным было заклятье, изречённое в местах, для этого созданных, – в церкви, у колодца, на перекрёстке и на пороге дома.

Ещё проклятие исполнялось, как полагали в народе, по справедливости. Если человек был не виноват, то Бог не слышал и не исполнял неправедных проклятий. В случае же справедливой вины, кара становилась неминуемой. Но даже случайно, в горячах брошенное злопожелание могло исполниться, если оно было произнесено в особое время – на восходе или на закате солнца, в полночь или в полдень, и в проклятую роковую минуту, когда сбывается всякое злое слово.

Люди, спасаясь от злокозненных проклятий, придумали отклятья – ответ на роковые слова: “Отсохни твой язык!”, “Чтоб тебе язык отрезало!”. И ещё

заклинание на возврат обещанной беды на голову проклинающего: “Из твоих уст тебе на голову!”, “Кляни, кляни, да на себя бери!”, “Твои клятвы да тебе в пятки”. Есть в народной традиции и заклятье завистника, ругателя, колдуна: “Соль в глаза, кочерга в зубы”, “Соль в очи, дресва в зубы”, “Кто на рабу Божью зло подумает, лихо помыслит, тому соль в очи, щепицы в ресницы, дресву на язык, железный гвоздь в пята”.

Но если проклятие можно было одолеть отклятьем, молебнами, святым причащением и покаянием проклятого, то **клятва** в народном представлении не имела “обратного отсчёта”, и нарушителям клятвы не было спасения. **Клятва** – словесная формула-обещание, в случае нарушения которой человек призывает кару на самого себя. Неотменимость клятвы внушала человеку страх перед ней, который укреплялся поверьем, что у поклявшегося правдиво всё равно замирает одна из жил, а у поклявшегося ложно или нарушившего клятву “замирает” сразу двенадцать жил, и такой клятвopреступник быстро умирает. Потому в ходу была предостерегающая поговорка: “Лучше умирать, а креста не целовать”.

Клятва обязательно произносится при свидетелях, без них она не действительна и не имеет смысла, ибо клянущийся должен подтвердить истинность своих слов или дел перед лицом общества, которое и требует от него клятвы.

Древнейший вид клятвы – над землёй, которую полагалось либо взять в руку или положить на голову, либо целовать или есть, с тех давних пор сохранилось в детских играх шутивное требование: “Правду говоришь? Ешь землю!”. Обломки этой клятвы таятся в выражении “провалиться мне сквозь землю!”. Из той же глухой древности клятвенное выражение “разрази меня гром!”, напоминающее о клятве перед лицом живого огня, исшедшего из грозовой молнии. От ветхой старины дошли до наших дней свидетельства о клятве над оружием, которая называлась “рота” или “ротьба”. Её использовали славяне-язычники в договорах с греками во время походов на Византию. Считалось, что нарушивший такую клятву человек погибнет от своего меча, над которым произносил роковые слова. Этот обычай, наверное, и породил выражения: “Голову даю на отсечение”.

Клятвы, встречающиеся в нашей речи гораздо чаще, так называемые “самопроклятия” – пожелания смерти или потери здоровья себе самому. В них в наше легкомысленное время, без почтения относящееся к словам, нет недостатка в ежедневном словоупотреблении. Выражения “Чтоб мне пропасть!”, “Не сойти мне с этого места!”, “Лопни мои глаза!”, “Отсохни мой язык!” в ходу в русской речи. Гораздо серьёзнее относятся у нас к клятвам детьми или матерью, такие слова произносятся в случаях большой крайности, и им принято верить.

И, разумеется, самой значимой среди клятвенных формул является **божба**, произнесённая перед крестом, Евангелием или иконой. Такое клятвенное обещание, сопровождаемое крестным знаменем, целованием креста и других христианских святынь, являло собой важнейшую часть русской культуры и социума.

Действенность клятвы как самопроклятья в случае неисполнения обещанного ощутима людьми, она подтверждена Евангелием, где Христос запретил языческую клятву перед лицом тварных существ – неба и земли. Но, как бы то ни было, народная традиция издревле знала, что клятва, и проклятие, и злопожелание влияют на жизнь человека, они запоминаются в природе и сохраняются как некая печать, нанося человеку вред. Но страх перед ними, незримо существующими и неотвратимо действующими, останавливал людей, не доводя их поступки до преступных крайностей, и сохранял нравственные устои народа.

Десять заповедей обращения со Словом

В этом очерке мы соединили, казалось бы, несоединимое: народные представления о мистической и магической речи, что принято считать суевением *тёмных людей*, и новейшие открытия, подтверждающие правоту традиции – религиозной и народно-бытовой. И оказалось, что религия и обычай сохраняют правильное отношение к слову, к языку, к нашему использованию языка и слова.

Многие явления политики и культуры, не получавшие прежде внятного объяснения, теперь, в свете учения о среде обитания Слова, обретают почву

в виде слов и мыслей, накапливающихся в ноосфере Земли. К таковым явлениям можно причислить распространение политических и религиозных доктрин, которые овладевают умами целых народов и заставляют их действовать даже в ущерб собственным интересам. Что вызывает “заражение”, как не высокая концентрация идей в обществе? Подобный механизм следует искать и у “вспышек” гениальных открытий, что возникают на фоне высокой образованности общества в целом и являются, по сути, плодом коллективного разума, хоть и рождённым гением-одиночкой. Точно так же великие произведения литературы не могут быть созданы в “чистом поле”, их творцы непременно обитают в насыщенной словесностью творческой лаборатории, именуемой литературным процессом.

Понимание природы Слова даёт, таким образом, ключи к развитию всякой национальной культуры и науки, они – в получении всеми гражданами доброкачественного образования ради создания питательной словесной и идейной среды, где только и может родиться талант или гений. Так же воспитание людей в духе высокой нравственности и одобряемое государством отвращение к очевидному злу препятствуют накоплению политических и религиозных учений, исповедующих разрушение и вражду, поскольку среда их обитания законодательно ограничена.

Осознание, что со Словом нужно обращаться правильно и осторожно, должно быть воспитано в каждом из нас, поскольку всякий человек как носитель слова и мысли определяет качеством своего мышления и речи собственную судьбу и судьбу близких ему людей. Каковы же представления, которые можно назвать “заповедями обращения со Словом”?

1. Молитва благотворна, она выстраивает правильное видение и ведение мира, очищая разум и направляя ум на добро.

2. Молитва целительна: она освящает тело и оздоравливает его.

3. Молитва защитительна: она способна уберечь, очистить душу и тело человека от насылаемого зла.

4. Благословение определяет успешность судьбы человека, оно создает словесную проекцию, нацеливая душу и тело человека на добро в будущем.

5. Заклинания, направленные на добро вокруг нас, оказывают благотворное воздействие на окружающий мир, который становится лучше и гармоничнее.

6. Проклятье действительно разрушает здоровье и ведёт человека к смерти, воздействуя на ДНК.

7. Злопожелание вредит жизни человека, оно создаёт словесную проекцию, материализуя в будущем высказанное зло, ведёт к несчастливой судьбе.

8. Заклятье творит неблагоприятную жизненную среду вокруг нас.

9. Клятва программирует самоуничтожение человека в случае её неисполнения.

10. Слово и мысль – понятия сопряжённые, слитые воедино. Добрые и злые помыслы материальны, поэтому опасно замышлять зло, это оскверняет человека и разрушает его и его близких.

Таковы заповеди, которые должны заставить нас с великой осторожностью относиться к речи, не бросать слова на ветер и отвечать за свои слова. Ибо лучше отвечать за собственные слова, осознанно используя их во благо, чем отвечать за свои слова, по глупости, беспечности или злобе используя их во зло. Вспомним апостольский наказ: “Слово гнило да не исходит из уст ваших, а только доброе, для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим” (Еф. 4:29). Осознаем Евангельский завет: “От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься” (Мф. 12:37). Поймём непреложность Христова речения о том, что за каждое наше слово придётся дать ответ на Страшном Суде.